

DOI: 10.15372/HSS20170110
УДК 94 (547.11). 084.338

А.П. КИЛИН

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ СВОДКИ
ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ОГПУ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1924 г.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА***

Уральский федеральный университет,
РФ, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Анализ технологии создания информационных сводок Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и оценка их информационного потенциала позволяют получить представление о принципах информационно-аналитического обеспечения управления региональных органов власти в 1920-е гг. Рассматриваются исторические условия возникновения источника, анализируется его содержание, дается характеристика авторам документов и предлагается интерпретация самого источника. Отмечено, что сводки носили компилятивный характер, выполняли как информационно-аналитические, так и отчетные функции, а сотрудники информационных отделов выступали в роли медиаторов между властью и обществом. Анализ сводок позволяет рассмотреть основные тенденции развития раннесоветского общества, такие как секуляризация, социальная мобилизация, демократизация (советизация), технологический прогресс (с задачей восстановления хозяйства до довоенного уровня), урбанизация, развитие системы образования.

Ключевые слова: управление, политика, аналитика, информация, сводки, ОГПУ, Уральская область, нэп, раннесоветское общество.

A.P. KILIN

**INFORMATION REPORTS
OF DISTRICT DEPARTMENTS OF OGPU OF THE URAL REGION FOR 1924
AS A SOURCE ON HISTORY OF THE EARLY SOVIET SOCIETY**

Ural Federal University
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia

The paper considers information reports of District departments of the Joint public political administration (OGPU) of the Ural region for 1924 both as the documents included in the system of information and analytical activities of law enforcement agencies and as a historical source. Within the source study research historical conditions of emergence of a source are analyzed, the characteristic to authors is given, circumstances of creation of the document are described, the analysis of content and interpretation of a source is performed. The conclusion about compilation nature of reports which performed functions both of informing and a report for superior organizations is drawn. In the course of data movement from informants to district representatives, and then from district department to regional management, information was significantly transformed (contracted and eliminated). Practically all aspects of production, public and everyday life of citizens got to the sphere of attention of OGPU that allows to use data as a source for studying of a wide range of problems. In particular, the social structure of the early Soviet society is considered in the reports, as well as loyalty of separate social groups to RCP(b), Soviet authorities and Red Army. The source includes the direct speech of citizens in a statement of informants, gives an idea of rumors which circulated among inhabitants. Contents of reports allow to consider the main tendencies of development of the early Soviet society, such as laicisation, social mobilization, democratization (Sovietization), technological progress (with emphasis on the idea of recovery of economy to pre-war level), an urbanization and educational development.

Key words: management, policy, analytics, information, reports, OGPU, Ural region, New Economic Policy, early Soviet society.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Алексей Павлович Килин – канд. ист. наук, Уральский федеральный университет, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru.
Alexey P. Kilin – candidate of historical sciences, Ural Federal University.

Основы новой советской государственности формировались в начале 1920-х гг., в условиях агрессивной внешней и внутренней среды. Значительное место в этой системе занимали правоохранительные органы, которые должны были обеспечить реализацию государственной воли. В условиях, когда социальная опора нового режима была ограничена и аморфна, актуальной задачей представлялось выявление реальных и потенциальных зон рисков, способных дестабилизировать ситуацию. Помимо сугубо силовых функций, присущих правоохранительным органам, призванных продемонстрировать властные полномочия государства в борьбе с оппонентами, органы правопорядка нуждались в информационно-аналитическом обеспечении своей деятельности. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР являлось организацией, в полной мере выполнявшей обе указанные функции. Именно информационно-аналитическое направление его работы оставило заметный документальный след, доступный для изучения современным исследователям.

В статье А.В. Мидиненко рассмотрена организация деятельности информационных подразделений ОГПУ на союзном уровне, в том числе нормативно-правовое регулирование процессов создания и распространения информационно-аналитических документов, созданных их сотрудниками. В частности, он отмечает: «Впервые в 1924 году как вид информационных документов появились т. н. внутренние сводки, основной функцией которых являлось донесение сведений об обстановке, складывающейся в советском государстве как до руководства ОГПУ, так и на места “для более правильной ориентировки ГО ОП в их повседневной работе”. Для данного вида материалов характерно использование впервые т. н. оперативного языка, что дает основание считать документы подобного рода первыми шагами в применении оперативно-аналитического подхода при подготовке информационных документов» [1, с. 54–58].

Отметим, что анализ технологии создания, а также типологизация и классификация информационно-аналитических документов в органах государственного управления являются актуальными задачами и сегодня. Аналитические документы должны формировать информационный базис, необходимый для разработки и принятия управленческих решений. Последние находят отражение в организационно-правовых, плановых и распорядительных документах. Как правило, именно в этой документации сосредоточивается основной объем сведений о фактическом положении дел, имеющихся проблемах, тенденциях в системе управления органа власти [2]. Особенность этих документов состоит в том, что они не содержат обязательных для исполнения поручений, не обязывают действовать строго определенным образом, а только предоставляют сведения, на основании которых могут приниматься управленческие решения, разрабатываться организационно-правовые докумен-

ты. Соответственно для таких документов характерна направленность «снизу вверх» (от сотрудников к руководителям, от подразделения к организации, от организации к вышестоящей структуре) [3, с. 24].

Информационные сводки ОГПУ составлялись в территориальных подразделениях специалистами по информационной работе (информационными уполномоченными), визировались руководителями соответствующих органов и рассылались строго определенным адресатам под грифом «совершенно секретно». В качестве одного из получателей окружных сводок значился обком РКП (б), по этой причине такие сводки по Свердловской области находятся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), в фонде Свердловского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза (Ф. 4). Нами проанализированы информационные сводки за 1924 г. областного отдела ОГПУ, а также послужившие для них источником сводки 14 округов: Верхне-Камского, Златоустовского, Ирбитского, Ишимского, Курганского, Кунгурского, Нижне-Тагильского, Пермского, Сарapulьского, Тобольского, Троицкого, Тюменского, Челябинского и Шадринского. Эти материалы объединены в 16 ед. хр. общим объемом 3550 л. Долгое время они находились в ограниченном доступе, а в настоящее время относятся к категории особо ценных документов архивного фонда, что предопределило хорошую сохранность материальных носителей.

Эти документы традиционно привлекают внимание исследователей. Например, британский историк Сара Дэвис (Университет Дарема) изучала общественное мнение на аналогичных документах Ленинградской области более позднего периода [4]. В работе И.В. Нарского при описании повседневной жизни населения Урала в 1917–1922 гг. также активно использовались информационные сводки [5]. В монографии Е.А. Осокиной прямая речь граждан, извлеченная из информационных сводок, противопоставляется пропагандистским клише при освещении проблем снабжения в годы индустриализации [6].

Эти документы стали основой фундаментального сборника документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939» в 4 т. [7]. Во введении к первому тому авторы-составители пишут: «По своим внешним признакам сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД вполне ведомственный материал, предназначенный для информации узкого круга лиц высшего государственного руководства. Об этом свидетельствует их “тираж” – от 5–7 до 30–40 экземпляров, а также очень быстро установившийся режим их полной секретности. Однако, по существу, это единственный в своем роде источник, который предназначен для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, его настроений и движений, прежде всего политических, но с существенным и нарастающим пополнением информацией их экономической и культурной жизни. В ко-

нечном счете оказалось, что информационный материал спецслужб был призван воссоздать наиболее полную картину как положения в стране в целом, так и в территориальном, и во временном отношении» [7, с. 8–9]. Итоги публикации этого фундаментального сборника документов были обобщены в работе В.В. Кондрашина [8].

При изучении информационных сводок возникают аналогии как с дневниковыми записями (периодичность), так и с хрониками или летописями, в которых в хронологической последовательности отражаются наиболее существенные, с точки зрения авторов, события. Однако если в далеком прошлом авторами летописей были монахи, то в раннесоветском обществе – представители правоохранительных органов, взявшие на себя функцию блюстителей «чистоты веры».

Мы не располагаем детальной информацией об авторах информационных сводок. Изучение биографии сотрудников ОГПУ требует обращения к их личным делам, доступ к которым ограничен¹. Однако анализ текстов документов дает косвенное представление об их авторах. Несмотря на то, что мы имеем дело с делопроизводственной документацией, текст которой составлен на основе определенного шаблона, сводки содержат значительные фрагменты, которые написаны в произвольной форме и отражают индивидуальные черты их составителей. Повествовательное изложение материала позволяет выделить особый стиль автора, оценить уровень его образования, темы, которые в наибольшей степени вызвали его интерес и которые он считал важными для вышестоящих органов. Очевидно, что в различных округах у авторов были свои «любимые» темы, которым они уделяли больше внимания. Это могло объясняться степенью осведомленности или уровнем подготовки автора, возможно, личными пристрастиями. Так, в одном из округов подробно освещалось участие женщин в перевыборах в Советы, в других – детально рассматривались проблемы школьного образования. Говоря о «собирательном портрете» авторов сводок, можно констатировать, что это были мужчины – с начальным или средним образованием (со значительной градацией по качеству подготовки), идеологически выдержанные, с явным осознанием важности порученного им дела, чувством собственной исключительности, основанным на большей осведомленности. Очевидно, они осознавали статусность своего положения и имели карьерные амбиции. Воссоздавая социальный портрет работников «орга-

¹ Новые возможности открываются в связи с созданием такого ресурса, как «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 гг.». URL: [http://nkvd.memo.ru/index.php?title=НКВД:Главная_страница_\(дата_обращения:_25.01.2017\)](http://nkvd.memo.ru/index.php?title=НКВД:Главная_страница_(дата_обращения:_25.01.2017)). Проблемой является несовпадение хронологических рамок этой базы данных и нашего исследования. Проследить биографии сотрудников удастся лишь в тех случаях, если они продолжали нести свою службу достаточно долго и в одном регионе. В сводках порой отсутствуют инициалы авторов-составителей.

нов», Н.В. Петров отмечает чувство исключительности, которое было им присуще, дает характеристику образовательного уровня сотрудников госбезопасности на материалах 1930–1940-х гг. [9, с. 303–325].

Несомненно, авторы сводок понимали, что выступают в роли медиаторов, посредников, которые транслировали настроения широких масс в вышестоящие органы власти, причем самым непосредственным образом. При этом был выявлен лишь один пример, когда авторы сводки выступили с конкретной просьбой к вышестоящему начальству: «Мы, со своей стороны, также просили Вас принять зависящие от Вас меры к недопущению останковки завода»². Как правило, в аналитических документах не содержались прямые рекомендации и просьбы. Разумеется, в сводках присутствуют оценочные суждения. Когда автор сводки был солидарен с чьими-либо мнением, например с рабочими, требовавшими выдачи спецодежды в соответствии с условиями коллективного трудового договора, то использовалась безличная форма – «рабочие говорят», «есть мнение». Напротив, все острые выпады против советской власти персонифицировались, указывались фамилия, имя и отчество говорившего, порой давалась ссылка на источник информации.

Информационные сводки являлись неотъемлемой частью организационной работы ОГПУ и выполняли несколько функций. С одной стороны, это была информация о состоянии «обслуживаемой», «подотчетной» территории, о наличии или отсутствии проблемных зон, о степени лояльности населения. С другой стороны, сводки рассматривались как отчетные документы и должны были свидетельствовать об эффективности работы органов ОГПУ на местах, о достаточном поле деятельности для политического сыска. В сводках полагалось демонстрировать широкую осведомленность о ситуации в округе, показывать потенциальные угрозы режиму и соответственно обосновывать необходимость своего существования, а также предлагать меры нейтрализации назревавших конфликтов, минимизации рисков, что в свою очередь подчеркивало значимость органов ОГПУ. В связи с этим при изложении ряда сюжетов ситуация могла намеренно искажаться, а острота конфликта преуменьшаться или преувеличиваться.

Информационные сводки по своему происхождению являются компилятивными и производными документами, так как они формируются на основе данных, полученных с мест. В публикациях говорится об их «пирамидальной» структуре [7, с. 9]. Районные уполномоченные направляли сводки в округ, где на их основе составлялась сводка по округу. Соответственно, сводка по Уральской области являлась компиляцией сводок округов. Пропуская сквозь такое «сито», ряд фактов отсеивали, поэтому сводка вышестоящего

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Государственные информационные сводки Троицкого окружного отдела Госполитуправления Уральской области (15.01.1924–24.12.1924). Л. 72.

уровня носила более обобщенный характер. Однако с примерами искажения фактов мы не сталкивались. Отметим, что источником собственных и альтернативных сведений являлись штатные и внештатные осведомители ОГПУ, которые упоминаются в сводках под оперативными псевдонимами – «Язва», «Звезда», «Метла», «Рудных», «Ярый», «Гребень»³.

Поскольку тексты сводок набирались при помощи печатной машинки, то «соавторами» этих документов можно считать секретарей-машинисток. Имея различный уровень образования, в различной степени владея техникой машинописи, они могли исправить недостатки рукописного черного варианта, а могли дополнить текст собственными опечатками, порой искажая содержание документа (особенно это заметно в отношении имен собственных, представленных в различных вариациях в одном и том же материале). Текст документа обычно содержит рукописные правки, что говорит о редактировании и корректировке окончательной редакции, после чего сводка рассылалась адресатам. В качестве примера приведем список рассылок информационной сводки по Троицкому округу: «Инфо ПП ОГПУ г. Екатеринбург; Уралобком РКП т. Харитонову; Окружком РКП Троицк т. Моисееву; Окрисполком г. Троицк т. Каширину; Окружные отделы ОГПУ г. Челябинск, г. Златоуст и г. Курган; Городское ОГПУ г. Кустанай, старшему помощнику областного прокурора г. Троицк; подлинник в нарядах Инфо»⁴.

Сводки рассылались как вышестоящим, так и сопредельным окружным отделам. Таким образом, уполномоченные информационных отделов ОГПУ имели возможность знакомиться с докладами друг друга. Встречаются обороты речи, которые могли быть широко распространены и являться атрибутом времени, а могли заимствоваться автором одного отчета у другого, например, выражение «точка замерзания». Высока вероятность того, что существовал общий опросник, который брали за основу при составлении отчетов. Структура сводок постоянно корректировалась. Так, в сводках есть упоминание директив, которые предписывали сбор информации по конкретной тематике, например, оценить уровень развития частного капитала.

Информационные сводки являются массовым историческим источником и представляют собой весьма существенный информационный массив, так как на уровне округа сводка составлялась один раз в две недели. Если представить себе жизнь провинциального города или района в тот период, то событий, заслуживающих внимания областного начальства, происходило не так много. Но регулярность отчетов никто не отменял, а их объем от 8 до 20 стр. вынуждал рассматривать широкий круг вопросов, порой не имевших прямого отношения к деятельности ОГПУ. Диапазон был предельно широк – от оценок торго-

го договора с Англией до проблем онанизма в детских домах. Разумеется, если исходить из установки, что ОГПУ касалось всё, то содержание сводок в полной мере соответствовало поставленной задаче. Отметим широкое, практически ничем не ограниченное толкование термина «политика».

Типовой характер документа подчеркивается универсальной структурой, которая была выстроена по тематическому, предметно-тематическому и объектному принципам. Эта структура не вполне логична и не позволяет избежать дублирования тем. Условно отчет можно подразделить на тематические блоки, связанные с направлениями деятельности (промышленность, сельское хозяйство, кооперация, торговля, партийное строительство, преступность и т.п.); информацию об отдельных мероприятиях (хлебозаготовки, сбор сельхозналога, призыв на военную службу, торжества по поводу революционных праздников или траурные мероприятия в связи со смертью В.И. Ленина); сообщения об отдельных организациях (заводы и фабрики, размещенные на территории округа, Промкомбинат, Потребсоюз, Центральный рабочий кооператив, ярмарки и т.п.). Как уже отмечалось, при наличии шаблонной структуры степень детализации была разной – в зависимости от того, какой исходный документ, поступивший в окружной отдел, принимался за основу. Так, в отчете могла детально описываться ситуация в одном районе, а в следующей сводке – в другом районе. Зачастую это было связано со сроками доставки корреспонденции (до районного центра письмо могло идти две недели). Отчеты не лишены повторов, шаблонных фраз и выражений, иногда прослеживается стремление авторов «нагнать объем», растянуть изложение, насытив его малозначительными фактами. Отчеты также различаются по глубине анализа отдельных проблем, стилю, грамотности и логике в изложении материала.

Наибольший интерес представляют рубрики отчета, посвященные отдельным социальным группам. При этом отчетливо прослеживается классовый подход: все социальные группы делятся на три группы в зависимости от их отношения к советской власти: «за», «против» и «нейтральные». Категория «врагов» определена наиболее конкретно, подчеркивается роль ОГПУ по их нейтрализации. Среди противников советской власти указаны «бывшие» (белые офицеры, священники, участники контрреволюционных банд), «новые враги» (нэпачи, торгаши, барышники, кулаки, спецы) и «традиционные» (уголовные элементы, кнокрады, жулики, вору). Особое внимание уделяется политическим, а не чисто криминальным сюжетам, которые отдавались на откуп милиции.

В отношении сторонников советской власти все не так просто, поскольку их круг чрезвычайно узок. Это можно объяснить как реальным положением вещей в глубокой провинции, так и характером документа, выходящим из-под пера сотрудников правоохранительных органов, которые настраивали свою

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 187–198.

⁴ Там же. Л. 48 об.

«оптику» на врагов. В любом случае статистические данные, приводимые в сводках, свидетельствуют о чрезвычайно узкой прослойке сторонников советской власти. К ним относились: члены РКП (б) и РЛКСМ, отчасти деревенская беднота, военные, а также уволенные в запас красноармейцы, пролетарские элементы города и деревни, сотрудники милиции, разумеется, сами сотрудники ОГПУ, хотя последние в сводках не упоминаются.

Слой «сомневающихся», «лояльных, но с некоторыми оговорками», составляет абсолютное большинство. Здесь и значительная часть рабочих и крестьян, интеллигенция (в том числе советские служащие), безработные, призывники, члены кооперативов.

Патерналистские, а порой иждивенческие тенденции среди населения доминируют. В качестве основного тренда можно назвать желание дистанцироваться от мероприятий властей, жить своей частной жизнью, стремление к стабильности и материальному благополучию (насколько это было возможно, учитывая низкий уровень потребления граждан, дефицит ресурсов и необходимость оставаться в правовом поле). Таким образом, опорой советского строя являлось наиболее политически активное меньшинство и пассивное молчаливое большинство, которое формулировало свои интересы исключительно в сфере материального потребления.

Лояльность к советской власти, по оценке сотрудников ОГПУ, была обусловлена не столько идеологическими предпочтениями, сколько конкретными материальными благами, которые граждане получали благодаря (или вопреки) деятельности властей. Сама категория «лояльность» весьма расплывчата и вполне сочетается с не менее широкой категорией – «революционная законность». И в том и в другом случае за основу бралась не буква закона, а революционный дух, нечто неуловимое для юристов, но вполне осязаемое для идеологически подкованных товарищей. Настроение социальных групп рассматривалось относительно трех институтов, трех столпов системы, ее «троицы»: советской власти, РКП (б) и Красной Армии, т.е. оценивалось отношение к мероприятиям советской власти, идеологии и обороноспособности страны. Это отражено в шаблонной формулировке: «Настроение служащих [рабочих, крестьян, призывников и т.п.] и отношение к Советской власти и РКП (б) и Красной Армии в общем хорошее»⁵.

Таким образом, информационный потенциал сводок ОГПУ позволяет рассмотреть основные тенденции развития раннесоветского общества: секуляризацию, социальную мобилизацию, демократизацию (советизацию), технологический прогресс (с акцентом на идею восстановления хозяйства до довоенного уровня), урбанизацию, развитие системы образования.

Парадокс ситуации заключался в том, что носители передовых идеологических установок, лидеры политических процессов были аутсайдерами в образовательной сфере, а их профессиональные компетенции не соответствовали уровню поставленных задач. Например, можно проследить закономерность – чем выше накал критики в отношении «старого» учительства, тем ниже уровень грамотности автора сводок. Дефицит интеллектуального и управленческого потенциала компенсировался за счет услуг «попутчиков», «бывших», лояльность к власти которых не была очевидна и которые в конечном итоге становились объектом «борьбы». Декларируемые цели пытались достичь в максимально короткие сроки традиционными, порой архаичными способами, используя методы прямого администрирования и насилия. Методы насаждения социалистической идеи порождали массу конфликтов, а порой и трагедий, что объективно препятствовало реализации различных направлений модернизации. Формировалась весьма причудливая траектория построения «советского социализма», а прогресс осуществлялся не благодаря, а вопреки идеологическим установкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мидиненко А.В.* К вопросу о деятельности информационно-аналитической службы органов государственной безопасности советской России по сбору информационных материалов о ситуации в стране в годы нэпа // *Известия Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского.* 2008. № 6(10). С. 54–58.
2. *Килин А.П., Колобова Д.В., Чистякова О.В.* Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 154 с.
3. *Гайдамакин Н.А.* Служебные и аналитические документы: язык, логика, структура, оформление, движение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та экономики, управления и права, 2008. 421 с.
4. *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / пер. с англ. В.Н. Морозова. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.
5. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001. 632 с.
6. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008. 251 с.
7. *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939.* Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.
8. *Кондрашин В.В.* К итогам российско-французского проекта «Российская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» // *Вестн. Пенз. гос. ун-та.* 2013. № 3. С. 26–31.
9. *Петров Н.В.* Свои люди в органах государственной безопасности // *Режимные люди в СССР* / отв. ред. Кондратьева Т.С., Соколов А.К. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 367 с.

REFERENCES

1. *Midinenko A.V.* On a problem of activities of information-analytical services of the state security agencies of the Soviet Russia to gather information materials about the state situation during the New Economic Policy. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2008, no. 6, pp. 54–58. (In Russ.)

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Государственные информационные сводки Уральского областного отдела ОГПУ (05.12.1923–31.12.1923). Л. 133.

2. Kilin A.P., Kolobova D.V., Chistjakova O.V. Information-analytical activities in state bodies of the Russian Federation subjects: [guidance]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2014, 154 p. (In Russ.)
3. Gaidamakin N.A. Official and analytical documents: language, logic, structure, design, movement. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava, 2008, 421 p. (In Russ.)
4. Davies S. Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent. 1934–1941. Transl. by V.N. Morozov. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2011, 231 p. (In Russ.)
5. Narsky I.V. *Life in a disaster. Everyday life of the Urals' population in 1917–1922*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 632 p. (In Russ.)
6. Osokina E.A. Behind the facade of «Stalin's abundance»: distribution and market in the population supply during industrialization. 1927–1941. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2008, 251 p. (In Russ.)
7. The Soviet countryside through the eyes of VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols. Ed. A. Berelovich, V. Danilova. Moscow: ROSSPEN, 2000, vol. 1: 1918–1922, 864 p. (In Russ.)
8. Kondrashin V.V. To the results of Russian-French project «Russian village through the eyes of VCHK–OGPU–NKVD». *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, no. 3, pp. 26–31. (In Russ.)
9. Petrov N.V. Akin people in the state security bodies. Regime people in the USSR. Ed. T.S. Kondrat'eva, A.K. Sokolov. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2009, 367 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.12.2016